

DOI:

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ВХОЖДЕНИЯ ОСЕТИИ В СОСТАВ РОССИИ

И.Т. Цориева

Статья посвящена исследованию интегративных функций культуры как фактора установления и развития отношений народов в процессе вхождения Осетии в состав Российской империи. Прослеживаются этапы и особенности истории 250-летнего взаимодействия культур. Отмечается, что факт вхождения Осетии в состав России расценивался как вступление в европейскую цивилизацию. В ходе исследования выделены важнейшие элементы и особенные черты интеграционного процесса, привнесенные в культурную жизнь осетинского сообщества. Они определили в обществе запрос на использование свойств национального характера, которые способствовали просвещению и преодолению исторически обусловленной замкнутости образа жизни. Отмечается, что среди основных итогов вхождения Осетии в Российское государство важнейшее место занимает школа, в создании которой заметную роль сыграла православная церковь. Указывается, что миссионерские задачи церкви и необходимость преподавания осетинского языка подвигли к созданию осетинской письменности. Достижения в развитии народного образования привели к формированию национальной интеллигенции. В культурном взаимодействии она создала феномен культурного пассионария, определявшего стратегию развития. Его сферой влияния являлась и культура повседневности, претерпевшая за анализируемый период революционные трансформации. Переселение на равнину и тесное сосуществование с представителями русского и других народов качественно изменили культуру быта и образ жизни осетин. В советское время развитие интеграционных процессов приобрело новые классовые признаки и социально-политические контексты. Подчеркивается, что, несмотря на идеологическое давление власти, в сфере управления культурой наблюдалась эволюция от использования жестких мер до своеобразной практики культурного патернализма. В статье приведен пример, свидетельствующий о качестве трансформации в культуре повседневности в новейший период интеграции, – культура хадзара в условиях города. Она совокупно выразила многолетние процессы урбанизации, взаимодействия культур в многонациональном сообществе Осетии, стремление сохранить наследие межкультурного взаимодействия в составе России.

Ключевые слова: присоединение Осетии к России, культурная интеграция, Моздокская осетинская школа, народное образование в Осетии, осетинская интеллигенция, культура хадзар'а в городе.

Для цитирования: Цориева И.Т. Культура как фактор интеграции в процессе вхождения Осетии в состав России // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 54 (93). С.87-96. DOI:

В историческом кавказоведении, исследующем в частности интегративные функции культуры, значительное внимание уделено ее роли посредника во взаимоотношениях между народами [1; 2; 3; 4]. При этом наблюдается тенденция отхода от оценки масс того или иного народа как решающего фактора в культурных акциях исторического масштаба. Растущий интерес вызывают «культурные пассионарии», зачастую определяющие стратегию отношений отдельных народов [5; 6;

7; 8; 9]. Такой подход вполне обоснован при обращении к истории вхождения Осетии в состав России. На разных этапах этого процесса именно личности-пассионарии указывали не только направление интеграционных усилий, но и определяли смыслы, содержание предпринимаемых действий. Их личный культурный багаж по некоему историческому запросу подчас на многие десятилетия вперед влиял на качество складывавшихся отношений между народами, обуславливал

их социальное и культурное развитие. В качестве примера в рамках предложенной темы обратимся к факту из жизни Вс. Миллера – основоположника научного осетиноведения, именным чтением которого на базе Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева уже почти двадцать лет являются научной площадкой для разработки и обсуждения актуальных проблем истории и культуры народов Кавказа.

В 1906 г. в письме к Г. Баеву, в ответе на приветственный адрес от осетинского народа по случаю празднования 25-летия его председательства в Этнографическом отделе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕ-АЭ) при Московском университете и 25-летия выхода в свет первого тома «Осетинских этюдов», он писал: «Я увидел перед собой народ живой, способный, интеллигентный, бодрый, несмотря на часто тяжелые условия существования, стремящийся к просвещению и достойный стать наравне с другими индоевропейскими народами, опередившими его при более благоприятных условиях в своем развитии» [10, 169, 176].

В этой оценке свойств национального характера осетин, на наш взгляд, кроется важнейшая основа той культурной традиции, которая формировала суть отношений осетинского народа и народов России за два с половиной столетия совместного существования. Безусловно, следует отдать должное военно-политическим и социально-экономическим факторам присоединения Осетии к России. Однако, исходя из современного понимания интегративной роли культуры, признаем, что, в конечном итоге, оценка отношений народов определяется уровнем культуры сосуществования. Не воинственность, готовность к отпору и культурный эгоцентризм, а интеллигентность, миролюбие, стремление к пониманию и приятию людей иной национальности, веры и культуры, готовность к сотрудничеству и взаимодействию, наконец, стремление осетин к просвещению вызвали интерес у Миллера как у человека и ученого [11, 53]. Поэтому сквозь призму увиденных им в осетинах качеств посмотрим на некоторые результаты присоединения Осетии к

России, достигнутые за 250 лет сосуществования и культурного взаимодействия.

Важнейшим элементом, привнесенным в культурную жизнь осетинского сообщества в результате вхождения в состав России, которое, подчеркнем, расценивалось в тот период как вступление в европейскую цивилизацию, стала школа. На начальном этапе она создавалась под покровительством православного духовенства и была призвана выполнить две основные функции: миссионерскую и просветительскую (образовательную).

Императрица Екатерина II 27 сентября 1764 г. своей подписью утвердила решение Коллегии иностранных дел о создании в Моздоке первой «для осетинских и ингушских и протчих горских народов детей школы» [12, 34]. Школа обязывалась готовить учащихся к религиозно-миссионерской и переводческой деятельности. Как предписывалось в указе императрицы от 13 июня 1767 г., «дабы из осетинцев могли быть достойныя к производству в духовные чины и ко употреблению в должности переводческие» [13, 96]. Но на первых порах в осетинских семьях возникли опасения за детей, которые по слухам могли попасть в аманаты. В связи с этим, кизлярский комендант Николай Потапов, в ведении которого находилась школа, дал распоряжение принять детей «и содержать во всяком и лутчем доволствии, дабы тем возбудить и в протчих желание на отдачу своих детей». Чтобы отчасти развеять тревожные слухи и сделать набор детей в школу более привлекательным, устанавливались денежные выплаты из Астраханского банка. Учащимся назначили стипендию по 2 руб. в месяц; детям знатных родителей намечалось платить в два раза больше. Непосредственное руководство учебно-воспитательным процессом было возложено на руководителя Осетинской духовной комиссии [12, 34, 41].

Моздокская школа заработала в сентябре 1766 г. Ее первый набор составили шесть осетинских детей (Иван Магкаев из Мамисонского уезда, Феофан Карабугаев из Дигорского уезда, Андрей Битаров из Закинского уезда, Петр Париев, Павел Давыдов, Харитон Христофоров из Нарского уезда). Первые двое из них, привезенные игуменом Григорием в Моздок, были внуками участников

Осетинского посольства в Петербурге Зураба Магкаева и Елисея Кесаева. Тем самым, имперские власти выполняли договоренности, достигнутые в период пребывания Осетинского посольства в Петербурге в 1749-1752 гг. Обучение велось на осетинском и русском языках, детей учили священному писанию, церковному пению. После завершения учебы выпускники привлекались к работе в Осетинской духовной комиссии, а также выполняли функции переводчиков, становились «толмачами», посредниками между русскими и осетинами. За более чем четверть века существования обучение в школе прошли несколько сот детей [12, 37, 41].

Школа сыграла важную роль в культурной жизни осетинского народа, дав толчок развитию просвещения и созданию осетинской письменности. Миссионерские задачи церкви и необходимость преподавания осетинского языка потребовали разработки осетинской азбуки. Эту задачу при поддержке моздокского епископа Гаия выполнил священник-осетин Павел Кесаев (Генцауров). В 1798 г. в результате разработанной им системы осетинского письма на основе церковнославянской графики в Московской синодальной типографии была издана первая печатная осетинская книга «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания» – перевод катехизиса с грузинского на осетинский язык.

К сожалению, тогда этому событию не придали должного значения. Как культурный проект «русского» направления, по мнению Р.С. Бзарова, он остался незавершенным, поскольку уже пять лет не работала Осетинская духовная комиссия, руководившая школьным делом и заинтересованная в издании книг на осетинском языке. Кроме того, в 1799 г. была упразднена Моздокско-Маджарская епархия, также поддерживавшая эти усилия. Вскоре деятели «грузинского» направления предложили «конкурирующий проект развития осетинского письма» [14, 234]. Его реализацией с одобрения экзарха Грузии занялся Иван Ялгузидзе (Иуане Габараев), преподаватель осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии, православный миссионер, убежденный сторонник сближения с Россией, связывавший с ней будущее осетинского

народа. Он свободно владел, помимо родного, грузинским и русским языками и неоднократно выполнял поручения военных, гражданских и духовных ведомств, выступая посредником между русскими, грузинскими властями и осетинскими обществами. Данное обстоятельство, подкрепленное отношением к переводческой и просветительской работе «как к серьезному и важному делу, имеющему культурное значение», подвигли его к занятиям по разработке системы графических знаков для передачи осетинской речи. В итоге кропотливой работы в 1802 г. были созданы два функционально различных алфавита, оба на основе грузинской графики: первый с опорой на церковную азбуку, второй – на знаки грузинского светского письма [9, 23].

Несмотря на отступление в системе графических знаков от «русского» проекта, дальнейшие события в сфере просвещения Осетии внушали оптимизм. С 1820-х гг. в Осетии начали открываться приходские школы, которые представляли начальные ступени образования. И хотя они давали лишь азы грамотности, однако обеспечивали новое качество включенности в культуру и успешно справлялись с задачей формирования у горцев позитивного восприятия России. Понимая значение происходящего, Ялгузидзе приступил к составлению букваря. Он был издан в Тифлисе в 1821 г. на основе церковной азбуки хуцури и роздан по распоряжению экзарха Грузии в церквях и монастырях на юге Осетии причетникам и священникам, обучавшим осетинских детей грамоте на родном языке. По нему учили и на севере, к примеру, в Дигорском, Унальском приходах, в Санибе, Джинате и др. [15, 50-55] Событие ознаменовало переход Осетии от бесписьменной к письменной культуре.

С середины XIX в. в Осетии наметился качественный и количественный рост сети учебных учреждений. Открывались школы военных воспитанников, горские училища, школы грамоты и т.д. Распространением начальной грамоты среди горцев активно занималось Общество восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХ). В 1886–1894 гг. в его ведении находилось от 15 до 21 церковно-приходских школ. В них преподавали основы православия, русский

и осетинский язык, арифметику, во многих школах – географию, русскую гражданскую историю, церковное пение [16, 102]. Широкая сеть образовательных учреждений сложилась во Владикавказе. По сведениям об экономическом и культурном развитии на 1 января 1904 г. в городе насчитывалось 38 учебных заведений. Из них 5 средних: мужские (реальное училище и гимназия) и женские (гимназия, прогимназия и епархиальное училище); 2 специальных (Лорис-Меликовское ремесленное училище и духовное училище) и 31 низшее учебное заведение, включавшее 2 городских, 15 начальных мужских, 6 начальных женских и 8 церковно-приходских смешанных училищ [17, 137].

Показателем огромной тяги осетин к образованию являлся рост численности осетин среди учащихся разных типов учебных заведений. Воспитанниками открытой во Владикавказе в 1860 г. Горской окружной двухклассной школы были преимущественно осетины. В 1867 г. она была преобразована в реальную прогимназию, на базе которой в 1874 г. основано реальное училище, готовившее практических работников для различных сфер экономики. Училище было доступным для представителей всех сословий, потому имело особое значение для осетин. Число обучавшихся в нем осетин колебалось в разные годы от 50 до 70 [18, 249]. Училище закончили такие представители осетинской творческой элиты, как Созрыко Бритаев, Сармат Косирати, Махарбек Туганов и др.

Одним из центров духовного образования в Осетии в конце 1880-х гг. стало духовное училище в Ардоне, преобразованное в 1895 г. в Александровскую миссионерскую духовную семинарию. С превращением в 1908 г. в Александровскую нормальную духовную семинарию, она приблизилась по статусу к светским средним учебным заведениям [3, 97-102], что давало выпускникам возможность получить не только высшее духовное, но и светское образование. В Ардонской семинарии учились многие выдающиеся представители осетинской интеллигенции (Арсен Коцоев, Цоцко Амбалов, Гиго Дзасохов, Хох Тлатов, Георгий Малиев, Гино Баранов, Илас Арнигон, Иван Джанаев и др.). Они стали интеллектуальным ядром культурной

интеграции осетинского общества в российскую социокультурную среду.

Очевидная тенденция роста сети учебных заведений и образованного слоя осетинского общества, получившая уже в 1830-е гг. устойчивую основу, создала в регионе условия для укрепления позиций русской администрации. В результате в 1836 г. в Осетии с целью проведения реформы в издательской деятельности уверенно был наложен запрет на грузинскую графику. Разработкой алфавита на основе кириллицы и созданием научной грамматики осетинского языка занялся академик Андрей Шёгрэн. Его «Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским», напечатанная в 1844 г., оказала огромное влияние на развитие осетинской письменности, на формирование осетинского литературного языка. Она положила начало научному изучению осетинского языка, которое продолжил в своих трудах академик Всеволод Миллер. «Осетинские этюды» и другие работы ученого заслуженно создали ему имя основоположника научного осетиноведения. Труды Миллера по проблемам истории, этнографии, языка осетин способствовали расширению научного кругозора и культурной самоидентификации формировавшегося образованного слоя осетинского общества. В итоге, в качестве фактора интеграции, наряду со школой как институтом обучения и воспитания вторым элементом нового культурного кода осетин стала национальная интеллигенция.

Первыми представителями национальной интеллигенции были военные и духовенство [19; 20]. Духовная интеллигенция заметно уступала военной по численности, но ее влияние на общественное сознание, развитие просвещения и образования неопределимо. Один из самых ярких представителей первого поколения осетинской интеллигенции Аксо Колиев в 1862 г. открыл на собственные средства одногодичную начальную школу для 10 девочек-осетинок. Исследователи расценивают это событие как знаковое, определившее судьбу женского образования не только в Осетии, но и на всем Северном Кавказе. После скоростной смерти Колиева усилиями его последователей школа продолжала развиваться. В 1891 г. школа (после несостоявшегося благодаря осетинской обществен-

ности закрытия) была преобразована в Осетинский Ольгинский женский приют, получив педагогическую направленность. В 1916 г. приют был преобразован в женскую второклассную учительскую школу, получив статус среднего учебного заведения педагогического профиля. Через два года она превратилась в Осетинскую учительскую семинарию, которая вошла в состав образованного Терского института народного образования (с 1920 г. Горского педагогического института, ныне – СОГУ). В ней учились представительницы разных национальностей: русские, грузинки, армянки и другие, но основной контингент учениц составляли осетинки. Поэтому главной заслугой этого учебного заведения признается то, что именно оно дало Осетии образованных женщин – матерей семейств и достойных «воспитательниц нарождающегося поколения» [16, 159, 163-171].

Успехи в развитии осетинской письменности и школьного образования способствовали формированию со второй половины XIX в. светской интеллигенции. Появились яркие творческие личности (Афанасий Гассиев, Алихан Ардасенов, Константин Гарданов, Гуго Дзасохов, Коста Хетагуров, Гаппо Баев и др.), которые внесли новые качественные смыслы в процесс культурной интеграции. Упомянутый выше Миллер работал в тесном взаимодействии с представителями осетинской интеллигенции Соломоном Туккаевым, Саввой Кокиевым, Цоцко Амбаловым, Иналом Собиевым, Александром Кайтмазовым, Гаппо Баевым и др. В результате сотрудничества был сделан большой шаг в развитии научной мысли в национальной культуре. Более насыщенными и многогранными становились формы взаимодействия. В период работы над «Die Sprache der Osseten» («Язык осетин»), «Осетинско-русско-немецким словарем» Миллер не раз отмечал, что он как теоретик языка в высшей степени ценит его носителей и знатоков [21, 155, 157]. При таком активном сотрудничестве с Миллером были подготовлены второе, затем третье издания букваря Алмахсида Канукова (1906, 1917) на основе нового осетинского алфавита. В ходе совместной научной деятельности и под влиянием издаваемых трудов Всеволода Миллера, Максима Ковалевского, других русских

ученых формировались кадры осетинских этнографов, филологов, фольклористов.

Таким образом, важнейшим итогом культурной интеграции Осетии в состав России в конце XVIII – начале XX в. стали две важнейшие составляющие: система народного образования и национальная интеллигенция.

Следующими результатами рассматриваемых интеграционных процессов являлись очевидные изменения в образе жизни и культуре повседневности. Им сопутствовали социальные последствия массового выселения горцев на равнинные земли в результате вхождения Кавказа в состав Российской империи. Основание новых населенных пунктов на предгорных и равнинных территориях в конце XVIII – начале XIX в. вносило существенные изменения в условия жизни, влияло на повседневный уклад переселенцев. Находясь в окружении других народов, осетины-переселенцы в повседневном быту продолжали соблюдать законы и обычаи, характерные для соплеменников в горах. Они по-прежнему следовали горскому этикету, регламентировавшему отношения в общественной и семейной жизни, руководствовались традиционными правилами раздельного воспитания детей с определенного возраста. В то же время с объективным ростом интенсивности межнациональных, межкультурных контактов на Кавказе в их семейном воспитании все более серьезное внимание обращалось на школьное обучение детей, на изучение ими русского языка как языка межнационального общения.

Под влиянием новых условий жизни, материальной культуры народов, с которыми соседствовали осетины, трансформировалась культура быта и хозяйствования. Наиболее наглядно изменения прослеживались в планировке поселений, в форме жилищ. В равнинных селах стремились строить дома по типу «русского дома», используя новые материалы для их возведения, сочетая новые заимствованные архитектурные принципы с привычными. Появлялись деревянные, каменные дома с пирамидальной, крытой черепицей крышей, большими окнами, русской печью, полом. Преображалось и внутреннее убранство дома: появились европейского образца стол, стулья, кровати и т.д. Одновре-

менно сохранялись некоторые особенности планировки жилых помещений осетинского дома. Так, по-прежнему, центральным помещением для семьи оставался традиционный *хæдзар* (сакля). Симбиоз архаики и новизны объяснялся открытостью осетин к новшествам, с одной стороны, и приверженностью к традиционным нормам, с другой [22, 74].

Происходившие в бытовой культуре изменения находили трансформированное отражение в лексике языка. Во второй половине XIX – начале XX в. речь жителей осетинских равнинных селений пестрела различными лингвистическими заимствованиями. Безусловно, русский язык оказал наибольшее влияние на изменение лексического состава осетинского языка. Именно из русского в осетинскую речь вошли слова боцка (бочка), пьол (пол), стьол (стол), бедра (ведро), ибка (юбка), кьалоста (галоши), кьабуста (капуста), цай (чай), пец (печь) и т.д.

Однако культурное влияние всегда было обоюдным. Русская литература XIX в. полна примеров тому. Достаточно вспомнить штабс-капитана Максима Максимыча из романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова или героев повести «Казачьи» Л.Н. Толстого. Собирательный образ русского кавказца-офицера представлен Лермонтовым в очерке «Кавказец», не опубликованном при жизни автора по цензурным соображениям и впервые увидевшем свет в 1929 г. в альманахе «Минувшие дни». Поэт с некоторой иронией писал: «Настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения... Чуждый утонченностей светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски; у него завелась шашка, настоящая гурда, кинжал – старый базалай, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает, лошадь – чистый шаллох и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случа-

ях и шит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней» [23].

О масштабах культурных заимствований в предметах быта, в оружии, одежде, военно-бытовой терминологии, в появлении признаков разделения дома на мужскую и женскую половину писал генерал-лейтенант русской армии, военный историк В.А. Потто. Оставленные им сведения полны интересных характеристик особенностей организации жизни казачьих поселений, хозяйственной деятельности, изменений в бытовой культуре, в обычаях в результате взаимодействия с горскими народами [24, 122]. В целом, усвоение русскими офицерами и казаками части образа жизни горцев означало признание и принятие мужского поведенческого кодекса горцев – мужчин-воинов. Мужской костюм северокавказского типа и набор кавказского оружия формировали своего рода культ мужественности.

В советское время все рассмотренные элементы интеграции в области культуры приобретают новое качественное и количественное наполнение и развитие. Культурная сфера жизни народов России впервые в истории стала составной частью государственной политики, частью финансово-экономического планирования и стратегии развития страны.

Безусловно, национальная культура в советский период испытала жесткое идеологическое давление. Однако с годами действовавшая система управления культурной жизнью эволюционировала от использования жестких мер до формирования своеобразных партнерских отношений. В 1960-1970-е гг. сложилась своеобразная практика культурного патернализма. При этом необходимо отметить, что бурное развитие экономики стало реальной основой существенных изменений в культурно-бытовой сфере жизни сельского и городского населения, в том числе и в результате активных процессов урбанизации в 1960–1980-е гг. Переселенцы из сельских районов республики интегрировались в городскую культуру и одновременно привносили в нее элементы общинной жизни.

Ярким примером изменения в укладе повседневной жизни горожан стала культура *хæдзара* во дворе многоквартирного дома. Практика строительства *хæдзара* получила

особенное распространение со второй половины 1980-х гг. в новых микрорайонах г. Орджоникидзе (Владикавказ), где активно селились выходцы из сельской местности. Хæдзар стал местом для обеспечения обрядовой жизни, сохранения традиций соседского общения. В нем с участием всех жителей дома проводились свадебные и поминальные мероприятия, отмечались традиционные народные и светские праздники (*Джеуæргуыба*, *Хетæджы бон*, дни рождения, получение государственной награды, юбилеи и др.) [25, 69-71].

Сегодня традиция функционирования хæдзара как общественного центра, несколько трансформируется в соответствии с экономическими реалиями и изменениями в социальной структуре общества. Помимо исполнения функции обрядовой жизни и внутриобщинной консолидации, он становится открытой площадкой для диалога общества и власти в ходе предвыборных кампаний, обсуждения общественных инициатив, решения конкретных проблем жителей многоквартирных домов и, наконец, локальным центром межнационального общения. В результате подобные проявления традиционной культуры стали основой для многих инициатив, укрепляющих в настоящее время потенциал интеграции национальной культуры в общем пространстве культур народов России.

В заключение отметим, что в современной жизни уже ресурсы осетинской национальной культуры в симбиозе с русской культурной традицией выступают гарантами защиты от межнациональной розни, сохраняют и развивают общее культурное наследие, основы которого были заложены 250 лет назад. Благодаря этому культурному наследию сегодня реализуются качества национального характера осетин, которые отметил Миллер и дальновидно обозначил как потенциал культурного развития народа. В подтверждение небольшая иллюстративная ремарка по поводу изложенного вывода. В ней – наиболее символические культурные маркеры в рамках исследуемой темы: роман «Послы гор» В. Цаголова, скульптурная группа «Осетины на приеме у российской императрицы» на Владикавказском Монументе Славы (авторы З. Дзанагов, А. Кучиев, В. Цаллагов), графическая работа «Первое осетинское посольство в Петербурге», художественное полотно «Делегация горцев у В.И. Ленина» Аз. Джанаева, фильм «Костры на башнях» (реж. Р. Меркун), Конный монумент Дружбы, посвященный 200-летию присоединения к России (авт. Ч. Дзанагов, С. Санакоев, М. Царикаев) и др. Они символизируют вехи совместно пройденного пути и дают ориентиры в будущее.

1. Диалог культур как социальный императив межнационального взаимодействия: Материалы международной научной конференции. Владикавказ: Проект-Пресс, 2012. 496 с.

2. *Дзамихов К.Ф., Муратова Е.Г., Боров А.Х., Варивода Н.В., Абазов А.Х., Прасолов Д.Н.* Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 268 с.

3. *Кобахидзе Е.И., Айларова С.А., Чочиев Г.В., Цориева И.Т., Туаева Б.В.* Историко-культурное развитие Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XXI в.: от военно-народного управления к межкультурным коммуникациям. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2020. 367 с.

4. *Канукова З.В., Туаева Б.В., Плиева З.Т.* Россия и Центральный Кавказ в советском и современном научном дискурсе: от «колониализма» до российской государственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 232- 243.

5. *Жемухов С.Н.* Жизнь Шоры Ногма. Нальчик: Эльбрус, 2002. 192 с.

6. *Дзанагорова Е.Б.* Харламповий Цомаев и православная культура осетин. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 171 с.

7. *Туаллагов А.А.* Всеволод Федорович Миллер и осетиноведение. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 433 с.

8. Дарчиева С.В. Политический портрет: Георгий Васильевич Баев // Власть. 2017. Т. 25. № 12. С. 99-103.
9. Мамиева И.В. Иван Ялгузидзе (Иуане Габараев) – предтеча горского просветительства // Вестник Владикавказского научного центра. 2018. Т. 18. № 3. С. 21-29.
10. Гостиева Л.К. Документы об участии В.Ф. Миллера в культурной жизни Осетии // Известия СОИГСИ. 2020. Вып. 37(76). С. 163-179.
11. Хадикова А.Х. Коммуникативная культура осетин в исследованиях В.Ф. Миллера // Известия СОИГСИ. 2008. № 2(41). С. 52-58.
12. Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе: Госиздат СОАССР, 1942. 296 с.
13. Русско-осетинские отношения в XVIII в. в 2-х тт. Орджоникидзе: Ир, 1984. Т. 2. 439 с.
14. Бзаров Р.С. История Алании. Владикавказ: Мидуат, 2023. 448 с.
15. Чибиров Л.А. У истоков осетинского просвещения. Иуане Габараев-Ялгузидзе. Владикавказ: Осетия-Полиграфсервис, 2016. 182 с.
16. Кобахидзе Е.И., Туаева Б.В. Русский язык в социокультурных трансформациях на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.). Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2023. 312 с.
17. История Владикавказа. (1781-1990 гг.). Сб. док. и материалов. Владикавказ, 1991. 1014 с.
18. История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х тт. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т. 1. 529 с.
19. Дзагурова Г. Т. Под российскими знаменами. Владикавказ: Ир, 1992. 144 с.
20. Гостиева Л.К. Просветители Осетии. Очерки о деятелях православной Церкви второй половины XIX- начала XXI в. Владикавказ: Ир, 2021. 516 с.
21. Гостиева Л.К. Из истории создания работы В.Ф. Миллера «Die Sprache der Osseten» («Язык осетин») // Известия СОИГСИ. 2019. № 31 (70). С. 151-160.
22. Дзалаева К.Р. Культурно-хозяйственное воздействие русских переселенцев на осетин во второй половине XIX – начале XX в. // Оригинальные исследования. 2020. № 12. С. 72-79.
23. Лермонтов М.Ю. Кавказец: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/book/89285/read-kavkazets-mihail-lermontov>
24. Синицына Е.В. Общественно-просветительская и военно-кавказоведческая деятельность В.А. Потто // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 3 (58). С. 120-123.
25. Канукова З.В., Кулумбеков Р.П. Осетинский хæдзар как модель воспроизводства и функционирования традиции в современном обществе // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 16(55). С. 65-72.

Tsorieva, Inga T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); tsorin@mail.ru

CULTURE AS A FACTOR OF INTEGRATION DURING THE ENTRY OF OSSETIA INTO RUSSIA.

Keywords: *annexation of Ossetia to Russia, cultural integration, Mozdok Ossetian school, public education in Ossetia, Ossetian intelligentsia, the culture of khædzar in the city.*

The article examines the integrative functions of culture as a factor in establishing and developing relations between peoples in the process of Ossetia's entry into the Russian Empire. The stages and features of the history of 250 years of cultural interaction are traced. It is noted that the fact of Ossetia's entry into Russia was regarded as entry into European civilization. The study identifies the most important elements and special features of the integration process brought into the cultural life of the Ossetian community. They identified a demand in society for the use of national character traits that contributed to education and overcoming the historically conditioned isolation of the way of life. It is noted that among the main results of Ossetia's entry into the Russian state,

the most important place is occupied by the school, in the creation of which the Orthodox Church played a significant role. It is indicated that the missionary tasks of the church and the need to teach the Ossetian language prompted the creation of the Ossetian written language. Achievements in the development of public education led to the formation of a national intelligentsia. In cultural interaction it created the phenomenon of a cultural passionary, who determined the development strategies. His sphere of influence was the culture of everyday life, which underwent revolutionary transformations during the period under study. Migration to the plain and close coexistence with representatives of Russian and other peoples qualitatively changed the everyday culture and way of life of the Ossetians. During the Soviet era, the development of integration processes acquired new class characteristics and socio-political contexts. It is recognized that, despite the ideological pressure of the authorities, in the sphere of cultural management there was an evolution from the use of harsh measures to a kind of practice of cultural paternalism. The article provides an example that demonstrates the quality of transformation in everyday culture in the latest period of integration – the culture of khadzar in the city. It expressed the urbanization processes over many years, the interaction of cultures in the multinational community of Ossetia, the desire to preserve the heritage of intercultural interaction as part of Russia.

For citation: Tsoarieva, I.T. Culture as a factor of integration during the entry of Ossetia into Russia // *Izvestiya SOIGSI*. 2024. Iss. 54 (93). Pp. 87-96. (in Russian). DOI:

References

1. *Dialog kul'tur kak sotsial'nyi imperativ mezhnatsional'nogo vzaimodeistviya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Dialogue of Cultures as a Social Imperative of Interethnic Interaction. Proceedings of the International Scientific Conference]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2012. 496 p.
2. Dзамиков К.Ф., Муратова Е.Г., et al. *Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu* [Russia and the peoples of the North Caucasus in the 16th – mid-19th centuries: socio-cultural distance and movement towards state-political unity]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies, 2018. 268 p.
3. Kobakhidze, E.I., Ailarova, S.A., et al. *Istoriko-kul'turnoe razvitie Severnogo Kavkaza vo vtoroi polovine XIX – nachale XXI v.: ot voenno-narodnogo upravleniya k mezhkul'turnym kommunikatsiyam* [Historical and cultural development of the North Caucasus in the second half of the 19th – early 21st centuries: from military-popular governance to intercultural communications]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2020. 367 p.
4. Kanukova Z.V., Tuaeва B.V., Plieva Z.T. *Rossiya i Tsentral'nyi Kavkaza v sovetskom i sovremenom nauchnom diskurse: ot «kolonializma» do rossiiskoi gosudarstvennosti* [Russia and the Central Caucasus in Soviet and Modern Scientific Discourse: from “Colonialism” to Russian Statehood]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. 2024, vol 23, no. 2, pp. 232-243.
5. Zhemukhov S.N. *Zhizn' Shory Nogma* [Life of Shora Nogma]. Nalchik, El'brus, 2002. 192 p.
6. Dzaparova E.B. *Kharlampii Tsomaev i pravoslavnaya kul'tura osetin* [Kharlampii Tsomayev and the Orthodox Culture of Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2010. 171 p.
7. Tuallagov A.A. *Vsevolod Fedorovich Miller i osetinovedenie* [Vsevolod Fedorovich Miller and Ossetian Studies]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2010. 433 p.
8. Darchieva S.V. *Politicheskii portret: Georgii Vasil'evich Baev* [Political portrait: Georgy Vasilevich Baev]. *Vlast'* [Power]. 2017, vol. 25, no. 12, pp. 99-103.
9. Mamieva I.V. *Ivan Yalguzidze (Iuane Gabaraev) – predtecha gorskogo prosvetitel'stva* [Ivan Yalguzidze (Iuane Gabaraev) – the forerunner of mountain enlightenment]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center]. 2018, vol. 18, no. 3, pp. 21-29.

10. Gostieva L.K. *Dokumenty ob uchastii V.F. Millera v kul'turnoi zhizni Osetii* [Documents on the participation of V.F. Miller in the cultural life of Ossetia]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2020, iss. 37(76), pp. 163-179.
11. Khadikova A.Kh. *Kommunikativnaya kul'tura osetin v issledovaniyakh V.F. Millera* [Communicative culture of Ossetians in the studies of V.F. Miller]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2008, iss. 2(41), pp. 52-58.
12. *Materialy po istorii osetinskogo naroda* [Materials on the history of the Ossetian people]. Ordzhonikidze, Gosizdat SOASSR, 1942. 296 p.
13. *Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII v. V 2-kh t.* [Russian-Ossetian relations in the 18th century. in 2 vols]. Ordzhonikidze, Ir, 1984, vol. 2. 439 p.
14. Bzarov R.S. *Istoriya Alanii* [History of Alania]. Vladikavkaz, Miduat, 2023. 448 p.
15. Chibirov L.A. *U istokov osetinskogo prosveshcheniya. Iuane Gabaraev-Yalguzidze* [At the origins of Ossetian education. Iuane Gabaraev-Yalguzidze]. Vladikavkaz, Osetia-Poligrafservis, 2016. 182 p.
16. Kobakhidze E.I., Tuaeveva B.V. *Russkii yazyk v sotsiokul'turnykh transformatsiyakh na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russian language in socio-cultural transformations in the North Caucasus (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2023. 312 p.
17. *Istoriya Vladikavkaza. Sbornic dokumentov i materialov* [History of Vladikavkaz. Collection of documents and materials]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 1991. 1014 p.
18. *Istoriya Severo-Osetinskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei. V 2-kh* [History of the North Ossetian ASSR from ancient times to the present day. In 2 vols]. Ordzhonikidze, Ir, 1987, vol. 1. 529 p.
19. Dzagurova G. T. *Pod rossiiskimi znamenami* [Under the Russian Banners]. Vladikavkaz, Ir, 1992. 144 p.
20. Gostieva L. K. *Prosvetiteli Osetii. Ocherki o deyatelyakh pravoslavnoi Tserkvi vtoroi poloviny XIX- nachala XXI v* [Enlighteners of Ossetia. Essays on the Figures of the Orthodox Church of the Second Half of the 19th – early 21st Century]. Vladikavkaz, Ir, 2021. 516 p.
21. Gostieva L. K. *Iz istorii sozdaniya raboty V.F. Millera "Die Sprache der Oseten" («Yazyk osetin»)* [From the History of the Creation of V. F. Miller's Work "Die Sprache der Oseten" ("The Language of the Ossetians")]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2019, iss. 31 (70), pp. 151-160.
22. Dzalaeva K.R. *Kul'turno-khozyaistvennoe vozdeistvie russkikh pereselentsev na osetin vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Cultural and economic impact of Russian settlers on Ossetians in the second half of the 19th – early 20th centuries] *Original'nye issledovaniya* [Original researchs]. 2020, no. 12, pp. 72-79.
23. M.Yu. *Lermontov. Kavkazets* [M.Yu. Lermontov. Caucasian man]. [Electronic resource]. URL: <https://www.livelib.ru/book/89285/read-kavkazets-mihail-lermontov>
24. Sinitsyna, E.V. *Obshchestvenno-prosvetitel'skaya i voenno-kavkazovedcheskaya deyatel'nost' V.A. Potto* [Social, educational and military-Caucasian studies activities of V.A. Potto]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia]. 2015, no. 3 (58), pp. 120-123.
25. Kanukova Z.V., Kulumbekov R.P. *Osetinskii khadzar kak model' vosproizvodstva i funktsionirovaniya traditsii v sovremennom obshchestve* [Ossetian khadzar as a model of reproduction and functioning of tradition in modern society]. *Izvestia SOIGSI* [Proceedings of North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2015, iss. 16(55), pp. 65-72.